

Е.В. Пучкова (Калуга)

МОДАЛЬНАЯ АНОМАЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО И СМЫСЛОВОГО КОМПОНЕНТОВ ВНУТРИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.

С целью рассмотрения вопроса о модальном аспекте исследования противоречивости текста для начала необходимо еще раз обратиться к проблеме соотношения терминов *содержание* и *смысл*. Именно эти два понятия лежат в основе представляемой в настоящей работе концепции модальной аномальности высказывания.

Общеизвестно, что сами термины «содержание» и «смысл» в многочисленных работах по семантике, семиотике и стилистике перекрывают друг друга. Так, в стилистической традиции объем понятия *содержание* представляется большим, чем объем понятия *смысл*. Например, И.Р. Гальперин определяет содержание как «совокупность смыслов, представляющую собой некое завершенное целое, в котором отражается представление автора об описываемых фактах, событиях в их развертывании, в их характеристиках и взаимосвязях» [6: 210]. Указанное понимание соотношения рассматриваемых феноменов представляется не совсем точным, так как оно лишает трактовку смысла самодостаточности и ситуативной динамичности. Смысл рассматривается как строительный материал, т.е. как нечто вспомогательное, пассивное, неспособное к собственному внутреннему развитию. Все это обедняет трактовку смысла.

В отечественной грамматической традиции получила широкое распространение теория структурной дискретности семантического содержания, согласно которой существует две разновидности указанного конструкта: содержание *языковое* и содержание *мыслительное* [3]. При этом термин «содержание» понимается широко как все, что связано с внутренней стороной речепорождения. Данное разделение, несмотря на свою условность и недостаточную четкость постулатов подкрепляющей его концепции, заслуживает внимания, поскольку является одной из наиболее удачных попыток разграничения идеальной стороны языка и мышления.

В этой связи в целях рассмотрения природы соотношения понятий *содержание* и *смысл* нужно вернуться к истокам разделения понятий *значение* и *смысл* (ср.: упомянутые выше *языковое* и *мыслительное* содержание).

Существенный интерес в данном случае представляет учение А.А. Потебни о «ближайшем» (общем для всех носителей данного языка) и «дальнейшем» (субъективно и ситуативно обусловленном) значении слова (подробнее см.: [12]).

Близки данному разграничению взгляды Л.В. Щербы, который указывал на важность определения соотношения собственно языковых значений и смысла высказывания. При этом подчеркивалось отсутствие непосредственной представленности значений форм и необходимость их выведения из смысла всего высказывания «... все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания» [16: 26].

С упомянутым представлением о первичности смысла по отношению к языковому значению соотносится трактовка рассматриваемых понятий у П. Адамца, выделяющего два структурных уровня семантического содержания: *денотативно-семантический*, заключающий в себе отношения между предикатом и его аргументами как выразителями связей между компонентами ситуации объективной действительности (ср. уровень мыслительного содержания) и *сигнификативно-семантический*, связанный с конкретными языковыми формами (ср. уровень языкового содержания). При этом второй уровень представляет собой модификацию первого (цит. по: [3: 46]). Таким образом, значение конкретных языковых единиц оказывается подчиненным смыслу как конструкту сознания.

Обратная концепция конструирования смысла на основе языкового значения представлена в трудах большого числа исследователей. Так, Н.А. Слюсарева связывает речевой аспект мышления только с внутренней стороной языка, актуализирующейся в языковых значениях форм [13]. В.А. Звегинцев, указывая на динамическую природу смысла, его существование только в рамках конкретной ситуации, подчеркивает детерминированность всего хода производства смысла системой языка (в частности, значениями слов), отображающей реальность и, одновременно, помогающей плану объективной ситуации интериоризироваться и перейти во внутреннюю реальность конкретного субъекта [8: 97]. В.М. Солнцев говорит об определяющей роли значений в процессе смыслопорождения, указывая, однако, на несводимость смысла только лишь к сумме образующих его значений [14].

В.З. Панфилов поддерживает последнее мнение и, принимая постулат о формировании смысла на базе значений языковых форм, отмечает относительную самостоятельность смысла, его лишь частичную зависимость от значений языковых единиц, поскольку с помощью ограниченного для данного языка набора языковых средств в речи способны выражаться такие смыслы, которые оказываются независимыми от значения любой из образующих речевое произведение языковых форм [10: 35–37].

Среди концепций, характеризующих смысл и значения как соподчиненные друг другу, также необходимо отметить точку зрения Л.С. Выготского, который разграничивал смысловое и фазическое синтаксирование, связанные со смысловым строем внутренней речи и значением внешних слов соответственно. Выготский указывал на возможность перехода одного уровня в другой как качественную реорганизацию, обеспечивающую коммуникацию [5: 380–381].

Анализируя модификацию значений языковых форм и соотносимого с ними смысла в речевом контексте, А.В. Бондарко высказал мнение о том, что «... в речи ... мы имеем дело со сложным соотношением речевых реализаций языковых значений, с одной стороны, и речевого смысла, с другой [3: 42]. Под речевым смыслом Бондарко понимает те же «речевые реализации языковых значений», смысловой потенциал которых реализуется благодаря воздействию контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации.

Существенным положительным сдвигом в изучении соотношения смысла и значения является герменевтическая трактовка данных терминов. Г.П. Щедровицкий и вслед за ним Г.И. Богин понимали смысл как ту

конфигурацию связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создаётся или восстанавливается субъектом, воспринимающим и осваивающим текст. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распрямлением в процессе понимания. При этом значения и смыслы оказываются рядоположены как различные компоненты одной и той же деятельности понимания [15: 90–101].

Указанная трактовка в данном случае позволяет для характеристики зависимости смысла и значения использовать отличное от приведенного выше понятие содержания. Значение у Г.И. Богина оказывается связано со смыслом через содержание. Наиболее частотные, ставшие частью культуры носителей конкретного языка смыслы застывают в значениях, зафиксированных в словарях. Далее эти значения вместе с несущими их звуковыми образами наполняют пропозиции как мыслительно-языковые рамки, при этом из получившихся структур в процессе понимания рождаются смыслы [2: 36–37].

Переосмысливая описанное таким образом соотношение содержания, смысла и значения, П.В. Пихновский указывает, что само значение слова как результат работы лексикографа может рассматриваться как модус осознания [11: 68]. При этом автор связывает все три понятия, отмечая области тождественности в объеме каждого из них по отношению к другому. Так, субъект должен обращаться к значениям с целью воспроизведения стоящего за ними смысла. При этом смысл способен воссоздаваться только благодаря включению в ситуацию, т.е. с помощью построения предикации, а это – сфера содержания. Таким образом, смысл и содержание, создаваемые в конкретном акте осознания значением, оказываются почти эквивалентами друг друга.

Однако содержание в работе П.В. Пихновского совпадает со смыслом не всегда. Один и тот же кусок текста, т.е. материально зафиксированная последовательность языковых единиц, может соотноситься с огромным количеством смысловых интерпретаций. На наш взгляд это обусловлено тем, что субъект, воспринимающий и пытающийся понять некий текст, одновременно оказывается оператором сразу нескольких модальных стратумов:

- 1) модальности собственного «я» как системы его отношений к собственной личности;
- 2) модальности текста как сущности, создающей отдельную систему смысловых координат;
- 3) модальности ситуации мышления автора как того «не-я», с которым реципиент вступает во взаимодействие.

Многообразие смысловых трактовок одного и того же содержания можно объяснить взаимодействием модальных стратумов 1 и 3, которые при этом будут одновременно воздействовать друг на друга, менять друг друга. Так, отношение реципиента к самому себе меняется под воздействие осмысливаемых отношений автора к тем или иным ситуациям реальной или мыслимой действительности; ситуация мышления автора в реальности текста, в свою очередь, предстает в одной из приписанных ей автором граней или же, что более естественно, в совершенно иной грани, модусе, оставаясь при этом тождественной самой себе.

Здесь необходимо остановиться на понятие о модусе. Э. Гуссерль говорит о модусах, в которых может быть представлен один и тот же предмет, который представляется в одно и то же время как неизменный и как каждый раз отличный [7: 103]. А если принять за основу определение модуса у С.В. Воробьевой, которая понимает его как свойство предмета, соотносимое с ним не постоянно, а лишь в конкретных ситуациях [4: 643], то модус, т.е. модальность, может рассматриваться как то, что свойственно языковому осознанию и презентации любого объекта действительности. При этом модальность как и смысл будет существовать только в процессе представления того или иного объекта в акте сознания и, следовательно, его языкового описания и включения в круг типовых ситуаций. Помимо того, данный этап будет соотнесен с работой рефлексии по изменению собственного опыта, поскольку всегда тождественный самому себе предмет предстает в ином, ранее не встречавшемся (так как он **каждый раз** иной) фокусе. Таким образом, модальность как мыслительно-языковой конструкт может существовать лишь в рефлексивных актах, когда объект внеязыковой действительности включается в детерминированный языком мир переживаний конкретного субъекта в конкретной ситуации.

Интересным в этой связи будет вопрос о текстах, повествующих о нереальных событиях, причем описание таких событий требует построения собственной системы координат (2-й модальный стратум) как для непосредственного вещного мира, так и, до некоторой степени, для мира идеалов и ценностей. Речь идет, прежде всего, о текстах стиля фэнтези. Писатели, работающие в данном направлении, строят собственную реальность, в которой задается некоторый набор ориентиров. Это могут быть такие ориентиры как перечень видов существ, живущих на определенной территории, их статусная иерархия и история взаимоотношений (например, хоббиты, эльфы, люди, орки, гномы, а также Гондор, Среднеземье, Шир, Мордор и лес Друан как географический ареал их обитания у Д. Толкиена).

Несомненно, создаваемая система координат базируется на опыте действия как с реальными вещами (пояс мыследействия), так и с текстами о реальных и вымышленных событиях (пояс мысли-коммуникации), а также основывается на опыте работы с шаблонами обработки компонентов и целых ситуаций действительности в области чистого мышления. Однако каждая из используемых единиц опыта сама по себе и соотнесенная с некоторым референтом в реально существующей или только мыслимой действительности предстает в особом, ином свете, т.е. оказывается выделенной и обязательно видоизмененной в рамках второго модального стратума.

Следует все же заметить, что вымышленные миры представляются читателю как реальные, хотя в опыте чувственного восприятия большинству объектов, описываемых в текстах фэнтези, не будет соответствия. Бесспорно и то, что и в реальности существует множество концептов, для которых также точного референта нет. Например, такие абстрактные понятия как любовь, ненависть, дружба. Интересной в этом плане представляется концепция возможных миров, согласно которой модальность может пониматься как средство и среда формирования действительностей, альтернативных «объективной» реальности, как вместилище возможных миров [1: 11, 18].

Миропорождение как неотъемлемая часть бытия человеческого сознания обеспечивается модальностью, которая выступает в виде задаваемых координат преломления, видоизменения реальности.

Нельзя также не согласиться с мыслью о том, что языковая система средств модальности упорядочивает процесс построения добавочных пространств (возможных миров) [1: 10], поскольку язык как то, что одинаково принадлежит всем членам определенного сообщества, существенно унифицирует процесс порождения и освоения смыслов.

Из сказанного следует, что модальность во втором стратуме выступает как гарант реальности вымышленного мира и, одновременно, как сдерживающая сила определяющая меру реальности-нереальности, как метасредство построения текстов наряду с экспликативностью-импликативностью, избыточностью-энтропией и т.д.

Возвращаясь к вопросу о соотношении содержания и смысла и о влиянии данного соотношения на построение модального алгоритма освоения смысла текста, необходимо отметить, что упомянутые выше модификации содержания с целью воссоздания смысла могут существенно отличаться друг от друга, приводя в некоторых случаях к тому, что содержание и смысл будут противопоставлены друг другу.

Так, модальная аномальность отдельных высказываний (не включенных в широкий контекст) может быть связана с противопоставлением содержания и смысла. Интегрирование модального значения в семантику некоторых частей речи (например, частиц) исследовалось в рамках логической парадигмы в лингвистике [9]. При этом особо отмечалось, что использование таких языковых средств в высказывании в некоторых минимальных контекстах может повести за собой его аномальность. И.М. Кобозева, говоря об аномальности высказывания, указывает, что отклонение от нормы (в качестве нормы рассматривается оправданность использования конкретных речевых построений в данном коммуникативном контексте) может быть вызвано противоречием между пропозитивными компонентами *смысла* в высказывании (ср. *содержание* как набор пропозициональных структур). Возникающую аномальность она предлагает разделять на семантическую (когда в отношениях противоречия оказываются только конвенциональные смыслы) и прагмасемантическую, вызванную противоречиями между смыслами конвенциональными (содержанием – Е.П.) и неконвенциональными (собственно смыслом – Е.П.). Критерием конвенциональности является независимость лексических и грамматических значений от контекста, ситуации. При этом отмечается, что конвенциональные компоненты смысла (связанные с «собственно языковым значением предложения») часто присутствуют в высказывании благодаря использованию модальных частиц. Так, использование частицы *же*, которая обычно оформляет повелительные высказывания – приказы, требования, просьбы, мольбы – в высказываниях с иллокутивными функциями совета и разрешения приводит к аномальности: *Я могу взять твой зонтик? – Возьми же!* [9: 198]

В рамках настоящей работы нас интересуют не изолированные высказывания, а высказывания, включенные в определенный широкий контекст, например, контекст художественного произведения. В этом случае возможности построения аномального модального алгоритма

распредмечивания свернутых в тексте смыслов на базе противопоставления содержания и смысла весьма разнообразны.

Например, в романе Роджера Желязны «Вариант единорога» главный герой заявляет о своем желании получить от общества материальное воздаяние за свое открытие:

Я собирался написать на листочке бумаги выводы своих исследований, поднять его над Вселенной и скромно сказать: «Слушайте, люди тысяч миров! Я сделал кое-что, что спасет человечество от голодной смерти, ныне и во веки веков. Разрешите представить счет к оплате» (с. 434).

Содержание данной словесной цепи, как уже говорилось, можно интерпретировать бесчисленным количеством способов. Если попытаться свести все многообразие трактовок к нескольким категориям, то можно предположить, что тип смысловой вариации будет определяться выбором преимущественной роли одного из выделенных нами модальных стратумов. Над содержанием как «результатом взаимодействия значений языковых единиц» [Тураева 1986, цит. по: Богин 2001] при этом надстраивается дополнительный смысл, определяемый модальностью ситуации.

Так, если на первый план выходит отношение личности к собственному «я» (1-й модальный стратум), то реципиент будет интерпретировать данное высказывание героя как относящееся к нему самому, т.е. смысл раскрывается как то, что имел бы в виду читатель, произнося данный текст. Читателем и интерпретатором в настоящей статье является её автор, поэтому в данном случае представляется правомерным использовать собственную смысловую трактовку ситуации как пример. Если бы я сказала это, то хотела бы подчеркнуть всю значимость своего вклада в дело улучшения будущей жизни человечества. Но мне неудобно было бы говорить напрямую об этом, т.е. хвалить себя самой. Поэтому я старалась бы скрыть свои истинные притязания на признание, например, умышленно (или, наоборот, неосознанно) используя уменьшительные обороты: всего лишь «листочек бумаги» для изложения таких важных результатов моего монументального исследования, «скромный» вид как невербальное сопровождение собственной речи, номинация «кое-что» для именованного итога напряженной работы. И, конечно, на примере такой смысловой интерпретации становится очевидным, что при восприятии данного текстового отрывка содержание как набор предикаций будет противопоставлено воссоздаваемому смыслу.

Далее, в фокусе может оказаться приоритет восстановления ситуации мыследействия автора, т.е. выделение тех характеристик, граней «не-я», который проявлены в данном тексте. В этом случае реципиент, пытается вывить отношение автора к речевому поступку героя и, до некоторой степени, понять ту личность, которая ведет диалог с читателем через события и связанные с ними цепи отношений на страницах романа. Естественно, что смысловая интерпретация будет отчасти определяться и косвенным воздействием первого стратума, поскольку без использования опыта воспринимающего субъекта здесь также не обойтись. Возможным вариантом такой интерпретации через призму восприятия автора настоящей статьи будет, выявление представления героя как личности весьма, а, может быть, и слишком честолюбивой. И уж, конечно, в этом варианте трактовки «счет к оплате» будет пониматься как требование всеобщего признания, а не денег.

Внимание также сразу привлекает выражение «ныне и во веки веков». Обещание навсегда освободить кого-то от мук (в данном случае от мук голода) звучит как обещание не человека, но Бога. Представление человека равным по возможностям Богу – продолжение давней традиции в искусстве. Но каково отношение автора к этой традиции? Он её последователь или противник? Данную характеристику личности автора можно установить лишь в рамках более широкого контекста, что выводит читателя в активную рефлексивную позицию – далее он будет искать в тексте ответ на свои вопросы. Таким образом, налицо взаимное влияние 1-го и 3-го модального стратума друг на друга. При этом также необходимо подчеркнуть вновь присутствующее противопоставление содержания и смысла в данном фокусе: говорит не просто человек, а почти Бог.

В заключение анализа приведенного примера нужно рассмотреть возможности смысловой интерпретации содержания отрывка при акценте на 2-м модальном стратуме. В высказывании в этом случае, на наш взгляд, особый статус приобретают представленные в нем смысловые координаты, созданные для облегчения процесса рефлексивного действия как с конкретным высказыванием в ткани текста, так и с текстом всего произведения. Речь идет об упомянутом ранее наборе смысловых ориентиров, определяющих границы создаваемой в тексте реальности. Слово «Вселенная» и словосочетание «люди тысяч миров» расширяют границы восприятия, представляя жизнь на других планетах как уже существующую реальность. При этом снимается возможность противопоставления содержания и смысла, при условии, что читатель принимает предлагаемую систему вымышленных (в данном случае вещных) координат и считает её существующей в реальности.

Таким образом, *содержание* как набор пропозициональных структур, т.е. обобщенно-фактологическое видение ситуации и *смысл* как то, что стоит за содержанием, т.е. «конфигурация множества связей и отношений в ситуации коммуницирования и мышледействия» [2: 11] могут быть противопоставлены друг другу в рамках первого и третьего модального стратума, создавая, таким образом, аномальную модальную рамку. Наличие такой рамки способствует интенсификации процесса распредмечивания смыслов текста путем построения маркированного модального алгоритма восстановления смысловых связей не только внутри отдельных отрывков текста, но и освоения художественной идеи произведения в целом. Иными словами, конвенциональность значения указанных единиц наименования (содержательный компонент) и компонент смысловой неоднозначности пересекаются, создавая прием интенсификации выразительности, который способствует активизации рефлексивных процессов.

Такой маркированный модальный алгоритм конструируется на основе:

1) необходимости переосмысления реципиентом собственных характеристик и системы ценностей, а также модификацию *отношения* к самому себе (первый модальный стратум);

2) необходимости восстановления истинного *отношения* автора к персонажам и их поступкам, образу мыслей, а также системы его собственных ценностей, личностных характеристик (третий модальный стратум).

При этом каждый узел внутри 1-го и 3-го модальных статусов базируется на противопоставлении содержания и стоящего за ним смысла. Указанные модальные статусы оказываются в отношениях взаимозависимости и фокус рефлексивного действия закономерно переходит из одного в другой. Таким образом, первым элементом маркированного модального алгоритма может оказаться фокус любого из них. При этом каждый из пластов модального алгоритма подвергается последовательной модификации под влиянием другого.

Второй модальный статус присутствует в аномальном модальном алгоритме по умолчанию, накладываясь на первые два пласта. В этом случае модальность выступает как метасредство текстопостроения, определяющее меру соотношения реального-ирреального в тексте – продуцент и реципиент формируют общее *отношение* в виде системы ориентиров-координат для данного текста. Все, что включено в используемую систему координат рассматривается как реальное, то, что к ней не относится – как нереальное, даже если в действительном мире такой компонент рассматривался бы как реальный (например, включение в качестве героя битв с марсианами в романе Г. Уэллса «Война миров» реальной личности Дмитрия Донского).

В заключении следует сказать, что если содержание и смысл в принципе могут быть так разведены, то идеалом действия с текстом можно считать стремление к столкновению содержания и смысла как на уровне продукции, так и на уровне рецепции текста. Согласно теории остранения человека притягивает и завораживает только то, что необычно, выделяется из привычного круга событий, нарушает норму. А значит, содержание и смысл в идеале вообще никогда совпадать не должны (ср. с эталоном текста художественной литературы как текста, построенного для распредмечивающего понимания).

Здесь необходимо подчеркнуть свойство преобразования исходного, присущее модальности как основообразующая характеристика. При присоединении модальности исходный смысл модифицируется. И если рассматривать модальность в её связанности с конкретными рефлексивными актами (модальность, как и смысл, не может существовать вне процесса понимания), то утверждение о наличии обязательной установки на выявление противопоставленности содержания и смысла представляется не таким уж неприемлемым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – Тверь, 2001. – http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm
3. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 174 с.
4. Воробьева С.В. Модус // Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 643.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. / Выготский Л.С., под ред. А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. – М.: Издательство АПН РСФСР, 1956. – 520 с.

6. Гальперин И.Р. относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // И.Р. Гальперин Избранные труды. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 195–212.
7. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 42–89.
8. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
9. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказываний и семантика модальных частиц. // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста./ под. ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1989. – 258 с.
10. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания.. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
11. Пихновский П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики. Дисс...канд. филолог. наук. – Тверь, 2004. – 138 с.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
13. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление. // Как подготовить интересный урок иностранного языка. – М., 1963. – С. 185–199.
14. Солнцев В.М. К вопросу о семантике и языковом значении. // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 6–11.
15. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение. // Проблемы семантики. 1974. – <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/68>
16. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 3-е изд. – М.: Комкнига, 2007. – 432 с.